

А.А. Боровой

Михаилу Бакунину

1876-1926

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А.А. Боровой**
Михаилу Бакунину: 1876-1926 / А.А. Боровой – М.: Книга по Требованию, 2024. – 338 с.

ISBN 978-5-458-12289-4

Очерки истории анархического движения в России, сборник статей под редакцией Алексея Борового. Посвящается Михаилу Александровичу Бакунину (1814-1876) - основоположнику анархического мировоззрения. Книга представляет собой первый опыт систематического изложения судеб анархического движения в России.

ISBN 978-5-458-12289-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

От редакции.

Редакция «Очерков истории анархического движения в России» дает себе полный отчет в многочисленных недостатках выпускаемого издания.

Уже при выработке основного плана Сборника — редакции были ясны чрезвычайные трудности, связанные с его осуществлением. К сожалению, действительность превзошла худшие ожидания.

Значительное число товарищей, взявших на себя работу по выполнению намеченной программы, в силу разнообразных причин, обещанного материала к требуемому сроку доставить не могли. В одних случаях пробелы удалось заполнить, но чрезвычайная спешность работы не могла не отразиться на ее качестве; в других, при отсутствии архивов и достоверной документации под руками, пришлось мириться с вопиющими пробелами в надежде устранения их уже при повторении издания.

Особенно пострадала часть книги, посвященная непосредственно истории движения. Здесь выпадение отдельных статей сводилось не только к потере их, но и к некоторому обесценению статей, стоявших рядом, ибо каждой из них было определено строго мотивированное место в общем плане.

Однако и при наличии указанных недостатков, редакция считает «Очерки истории» книгой нужной и важной. Она — первый опыт систематического изложения судеб анархического движения в России. Отдельные беглые характеристики, имевшиеся доселе в общих исторических обзорах анархизма или самостоятельных очерках, страдают не только бедностью и случайностью, но нередко тенденциозностью и даже крайней недоброкачественностью материала. Не может почитаться предшественником «Очерков» и «Альманах. Сборник по истории анархического движения в России», изданный в Париже в 1909 г. под редакцией тов. Н. Рогдаева и представляющий из себя, по преимуществу, собрание сырых материалов, относящихся к 1903—1907 гг.

Редакция считает необходимым обратить внимание читателя также на следующее.

В настоящих условиях было невозможно выдержать последовательно на пространстве всего издания точку зрения какого либо одного течения анархической мысли. Давая место в сборнике представителям различных направлений современного анархизма, редакция берет на себя ответственность лишь за доброкачественность фактического материала, положенного в основу издания, ответственность же за общие оценки и характеристики событий, актов и деятелей движения возлагает на самих авторов.

Алексей Боровой.

Анархические устремления в русском сектантстве XVIII—XIX вв.

1. Русское сектантство, как движение религиозно - общественного протеста.

Привычно мужичку русскому — былинному Микулушке Селяниновичу — нести «тягу земную», от которой в землю угрыз Святогор - богатырь, нипочем Микулушке «орать» от края по край землю - матушку, а на отдых бросить сошку в ракитов куст, даром, что сошку эту сам Вольга с дружиной хороброй ворохнуть не могли. Да не под силу, не по нутру оказалась ему другая тяга, что принесла ему московско - петербургская власть. Татарский восток, византийский юг и немецкий запад попеременно, каждый по - своему, дали руководящее влияние в построении русского государства, и вместе с ним характерное для них, воспринятое ими из одного источника, централистическое начало. А меж тем, по справедливому замечанию Щапова, «одно из отличительных свойств русского народа — это жизненно - практическая, непосредственно бытовая, общинная, мировая выработка общих начал, принципов житейской мудрости, общинно - народного саморазвития», т. - е. чисто федеративное начало.

Централизующее государство с его непомерными аппетитами и цивилизаторскими затеями, с его всевидящим оком всенародного шпионажа, вроде знаменитого «Слово и дело», с его огромным бумажно - канцелярским аппаратом, пытавшимся заглянуть во все уголки народной жизни и искромсать их на свой манер, по казенному «закону», с его учреждениями расправы, в роде опричнины, армии, полицейской службы, — не только не соответствовало строю народной жизни, но и раздор и раздор и крепостное рабство принесло народному «миру».

Но народ, расколотый распрями «меньших» (бедных) и «лучших» (богатых) еще в далеком от совершенства общинно - вечевом строе вольных городов, разоренный удельной междоусобицей, парализованный татарским игом, не в силах был противостоять жестокому и упорному наступлению государственного строя, подержанного авторитетом церкви¹⁾, капиталом и не лишенного талантливых организаторов. Больна была общинно - федеративная Русь несовершенством своей, как земской, так

и городской организации, и должна была или выработать более совершенную форму своего исконного строя, или — уступить. И она уступала, с боем, с бунтами, с слезными челобитными, с массовым уходом в незаселенные местности, унося в «пустыню» от правительственного глаза свой общинный мир. Пал Государь Великий Новгород..., подавлена «Смута»..., разбиты Разин, Пугачев..., нарушена казацкая вольность... разрушены раскольничьи общины... И характерно, что все эти попытки выдвигают одну основную организационную форму: федерацию общин и их сходов, земских и городских советов и всенародного собора, совета всей земли. Но она выявлялась только ощупью, инстинктом строящего свою общественность народа. А меж тем для успеха всякого массового общественного строительства необходимо, чтобы народ — строитель имел перед своим сознанием что-то такое, из чего для него ясно и последовательно, путем простого размышления, развертывались бы все необходимые части, детали строительства. На одном инстинкте далеко не уедешь. Нужна была простая, увлекающая и четкая постройка, могущая захватить сердца и умы народа с силой религиозного экстаза. Чистых социальных теорий тогда народ не знал и не мог знать: они или умерли в далеком прошлом, или еще только обещали расцвести на западе. Но у народа была его религия, его христианство, одна из тех удивительных сокровищниц духа, которые время от времени наполняются религиозными гениями, и, раскрываясь самым невежественным массам, живут в них среди суеверий тысячелетиями и неожиданно дают новые прекраснейшие ростки. В несколько маленьких книг и несколько апокрифов включена невероятной мощи энергия, через тысячелетия взрывающая творческие силы народов.

Откуда впервые к России пришло христианство — неизвестно. Но несомненно, что Россия, как путь оживленной, хотя часто и опасной, торговли Скандинавии, прибалтийской неметчины, Византии и Востока, испытала на себе влияния всех вер, подточившие ее примитивную религию рода и сил природы. Огонь и меч бояр Владимира призвали к устройству земли русской византийское церковное христианство, а энергичная деятельность колонизаторов — монастырей и покровительство татарских ханов закрепили за ним эту роль. Но чувствуются прочной нитью в народном христианстве глубокие и сильные мотивы и буддизма, и парсизма, и древнейшей религии рыбака Оаннеса (ИОАННА), и особенно различных ветвей христианского гностицизма. Эти-то мотивы и здесь повторили по-русски то, что было ими сделано в средневековом Западе.

Церковь, слишком занятая «просветительными», колонизационными и землеустроительными задачами, а также борьбой с явными врагами, не замечала, да за отсутствием вычеканенных форм и не могла заметить, что она не что иное, как федерация разных толков, а зачастую и просто имеет в лице

своих «духовных» лиц развращенных ремесленников или даже колдунов на новый, церковный лад, да при том почти всегда невероятно невежественных. Только изредка она наталкивалась на резко выраженную критику ее деятельности и догматов и жестоко с этой критикой расправлялась. Так тех, «которые не грабят, имений не собирают», отказавшихся от мздоимной церковной иерархии во имя перво-христианства, — «стригольников», бросали в Волхов, и т. д. А меж тем до вершины церкви все чаще и чаще доносились слухи, что народ презирает и ненавидит ее слуг — за ее сотрудничество с властью, за прислужничество богатству, за жадность и ограбление народа; что народ на своих игрищах издевается над нею, ее обрядами, ее служителями. Наконец, внутри нее самой поднялись из недр народа «ревнители» благочестия, с требованиями моральной реформы церкви, с требованиями, чтобы она встала на сторону бедных, обиженных. Но разве церковь делала когда-либо моральные реформы? Ее дело — инквизиция за букву, костры и дыбы за муки исканий.

Никон — сильная и, когда этого требовало его дело, жестокая личность (черта характерная для русских реформаторов сверху). Он с громадной энергией, под знаком исправления книг и обрядов (канона), ускорил другую реформу церкви, окончательно скрепившую ее с государством: он централизовал ее. Но, тем самым, откалывая от господствующей церкви целую федерацию толков, он дал знамя протесту накопленных, но не имевших оформленного выхода общественных страданий. И вот мы имеем с тех пор огромное и длительное движение религиозно-общественного протеста, давшее потом идейное подкрепление широким народным бунтам, и которому было дано имя — «раскол».

Звериной жестокостью пыталось двуглавое сообщество церкви и государства остановить это движение. Самое умеренное крыло «раскола», вчерашние друзья Никона по кружку «ревнителей», по реформаторской работе, по правке книг — Аввакум и иже с ним, — отправляется на пытку, в ссылку, на костер. Все долголетнее царствие черносотенного «православия» и Романовых было непрерывной Голгофой для народных исканий. Расправы бывали столь ужасны, что народ принужден был освятить самоожжение при приближении правительственных войск, только бы не попасть в их руки. Но гонения давали движению апостолов, пытки и казни — мучеников. Нетерпимость господ веры и права превращала часто самые лояльные секты в резко протестующие. Движение росло.

Оно росло не только внешне, количественно, отрывая все новые массы народа от пьяного казенного «православия», но и внутренне, по качеству. Оторванный от западной культуры вмешательством правоверного государства, позволявшего только себе «цивилизовать» Россию, лишенный государством не только

свободы мысли, но даже и возможности образования, не только общественных, но часто даже и казенных школ, народ в своих исканиях наметил вехи собственной, глубоко-проникновенной культуры. Каких невероятных жертв ему это стоило! Во тьме невежества, ощупью в дебрях тысяч толков, еретическими считающих друг друга, в дебрях буквы Писания и мелочей обрядов, в дебрях конспирации, часто на поводу ловких обманщиков, разоряемый налогами и всякими поборами, в кабале у помещика, у кулака, у заводчика, травимый попами и полицией,—разыскивал «серый» народ свои более ясные и более совершенные и жизненные формы одухотворенной, и потому свободной, общности. Демократический федерализм поповского и беспоповщинского раскола и заимствованного у «протестантов» баптизма не удовлетворял более глубинно, более проникновенно ищущих. И там же, где чувствуются семена гностических исканий, там же проглядывает первая зелень анархических устремлений, анархических форм общежития.

Каждый, кто знаком с сущностью религий, знает, что во всякой религии каждому имени, каждой букве Писания, каждой части обряда и целым обрядам, каждому кусочку быта и всему быту приписывается особый смысл—его духовное значение, которое определяется существом религиозного мировоззрения. Таким образом и писание, и обряды, и вся жизнь одухотворяются, приобретают некий духовный смысл. Знание истины такого смысла—это и есть гнозис, а искатели его во времена перво-христианства назывались гностиками. От новгородских икон, непонятных для церкви, и от новгородских же «стригольников» до сект последнего времени русский народ искал по-своему эту истину, истинный гнозис.

Поэтому-то признание некоторого определенного канона, т.-е. совокупности «правильного» писания и «правильных» обрядов, часто весьма существенно для того или иного религиозного (так и общественного) течения. В каноне мировоззрение приобретает чеканную форму, и для людей, по выражению немоляков и духовных христиан, «земных», в младенчестве существующих, канон дает опору и ясность. Для них изменение буквы писания, детали обряда будет ломкой целого мировоззрения, что нелегко переносится даже в случае внутреннего роста. Казенная реформаторская горячка Никона со стороны буквы и обряда, а Петра I со стороны быта—лишь подчеркнули это созданием и укреплением раскола ²⁾.

Значит и здесь, по существу, дело было не в букве, не в двуперстии, а в разумении, что и доказала дальнейшая история беспоповщинского крыла раскола, давшего целый ряд т. наз. рационалистических толков. Разумение, «понятие» было движущей силой раскола, и потому-то, как справедливо отмечают все ненаемные исследователи раскола, раскольничья семья оказалась гораздо культурнее обычной «православной». Но для ра-

боты этого разумения были раскрыты только книги писания: двуглавый призрак плетью полицейщины отгородил его от западной культуры. И это разумение после кропотливых толкований и раздумья докопалось до «правды» писания, которую вкладывал в него галилейский плотник и тот перво-христианский гнозис, из которого он вышел, и который принял его, как Христа ³). А слишком чувствительный нажим государства и церкви, нуждавшихся в деньгах, солдатах и рабочих руках для своих затей, лихоимство их слуг, несправедливости закона, урезка воли и земли, наконец, рост капиталистических отношений, разлагавших даже крепкие взаимной поддержкой раскольничьи общины — все это резко тревожило мысль мужичка, недоумевавшего: и откуда же это на бедного Макара столько шишек валится, да правильно ли, да по божьи ли это. И вдруг там, где он только и мог искать «правду», он нашел ясные, раньше незамеченные, слова: «Цари царствуют и вельможи господствуют, но между вами да не будет так, а первый из вас да будет всем слугой», «Кесарю— кесарево, а божье— Богу», «И сотворил нас царями и священниками», «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный», «Где Дух господень—там Свобода»... Читал он там о Вавилоне-граде блуднице и о новом грядущем граде, об анархических коммунах первохристиан, вникал в смысл Тайной Вечери, «чуда» насыщения пятью хлебами.. И пытливый разум и чуткая совесть вскрывали возмутительное противоречие меж тем, о чем говорило писание, и тем, чему служила церковь, о чем говорили горькие факты жизни. Противоречия быта будили думу, мысль; мысль вскрывала религиозные противоречия, а эти последние вели к общественному протесту, к исканию новых форм жизни. Так, напр., в 40—60-х годах прошлого столетия выросли секты немоляков, неплательщиков и других сходных разветвлений одной идеи.

Навстречу этому развитию раскола шло и развитие церковной и внецерковной мистики народа, тоже давшее, как и на Западе, свои характерные штрихи в направлении к анархизму. Православие, как известно, своеобразно между прочим тем, что резко разделяет мирское (земное) от духовного (небесного), при чем это характерно для таких даже крайних ветвей раскола, как немоляки, и для внецерковной мистики скопцов. Мы уже говорили выше, что рационализм пытается найти истину посредством толкования, уразумения буквы и быта. Мистик хочет непосредственно «видеть» откровенную истину, иметь с нею живое общение, и, как бы в форме образов — намеков открыть виденное миру. Образцом такого «видения» являются Апокалипсис и новгородские иконы. Перед глазами такого подхода к миру, к жизни, к быту все это, как они утверждают, раскрывается, как деятельность неких живых духовных сил и существований. Кесарь, власть земная, созданная насилеи, перед таким взглядом оказалась злой силой, пришедшей вслед-

ствие греха, вышним попущением, существующей только во зле и для злых. Все кесарево, как греховное, вредное в жизни, должно быть отдано Кесарю, и люди, ставшие чистыми духовно, должны войти в новую жизнь без власти и попов, т. к. все сами «цари и священники», в жизнь, прообразом которой была жизнь перво-христиан. В этом окончательном разделении и ожидался «Страшный Суд»⁴⁾. Но, ожидая этот желанный исход, христианство по писанию должно было ждать Духа истины, обещанного Христом, ждать Антихриста — этой концентрации зла и обмана, ждать второго пришествия Христа и его тысячелетнего царства. В западном средневековьи целые столетия стоят под знаком такого напряженного ожидания, жуткие трагедии вырастали на этой почве. Нечто похожее произошло и в России в дни возникновения раскола. Близился конец седьмой тысячи лет по библейскому счислению, нарастала волна ожидания конца мира⁵⁾. Византия пала и передала свое духовное наследие Москве. Стоглавый собор отметил мерзость и в церкви и в жизни выступили ревнители и обличители, и вдруг — Никон... Ну, чем не апокалиптическая картинка. И вот Антихрист найден: это — Никон. 1666-й год оказался роковым⁶⁾. С этого момента история русского сектанства это — развитие идеи Антихриста, наиболее тонко разработанное у бегунов, и получившее своеобразное завершение у немоляков. Антихрист — Никон, Антихрист — Петр I, Антихрист — царь, власть вообще, Антихрист — хозяин. От Антихриста бегут в леса, в горы, скрываются по подпольям. И безысходным отчаянием звучит исповедание Спасова согласия:

„В восьмую тысячу нет спасения“.

Навстречу этому, из глубин вне-церковных, раздается проповедь о Духе. Мир раскалывается на двое: на плотских, земных, еще ходящих во зле, и чистых духовных, готовых принять в себя Духа. Для последних, „рожденных в Духе и Истине“, земная история с ее преходящими законами мира, Отца и Сына — окончена, осталась вне их для земных, для земли — плоти. Вся „история“, начиная от Бытия и до Апокалипсиса включительно, получает второй смысл, духовный: она, так сказать, вырывается из собственного, исторического времени и перемещается в каждого человека, становясь вневременным „законом“ развития души человека. Этот мотив звучит в неканонической литературе всегда, но, как и на Западе, становится творческим началом массовой мысли именно в эти моменты взрывов религиозно-общественного протеста. Горе общественной и личной жизни и боль исканий обесценили „землю-плоть“, нарекли ее источником зла, Антихристом⁷⁾. Но мерещится искателям иное „царство“, обещанное в Евангелии и в Апокалипсисе, в которое войдут все, „рожденные в Духе и Истине“. Усиливаются посты, домашние и общественные моления, нервное напряжение доходит

до крайних пределов, до восторженного „осенения“, „рождения в Духе“, когда брызжут с уст „пророчества“ и даже беспорядочные звуки „иных языков“. Это — „сходит Дух“. Возрастающее (равномерно или волнами) напряженное сосредоточение на одной и той же идее иногда при этом оказывается столь сильным, что переходит в экстатическое состояние и тогда перестраивает всю психику человека, всю взаимозависимость его рефлексов, так сказать, „по образу и подобию“ этой идеи. В этом последнем случае сектанты говорят, что этот человек стал „Христом“, если речь идет об идее духовного спасения и искупления человечества. Каждый новый „Христос“ несет таким образом в себе, в своих речах, в своей деятельности „увиденное им в откровении“ в момент экстатического „озарения“, глубоко продуманный и прочувствованный, так сказать, план путей переустройства жизни. Это уже не инстинкт народа, но творческая деятельность его маленьких или больших гениев²⁾).

И здесь опять заявляют о себе анархические мотивы. Для духовных, получающих откровения прямо от Духа, от самой Истины, что может значить чей-то внешний авторитет. Ни церковь, ни царь (видимые, земные) не авторитет для тех, кто вошел в церковь невидимую, внутреннюю, духовную, кто имеет царя „небесного“. Законы, приказы видимых и их слуг, конечно, будут выполнены, если... совпадут с велениями Духа, с внутренним голосом. Но, если они окажутся противными, — бесполезны насилие, пытки, казни; ничто не может заставить духовных подчиниться: они доказали это своей историей. Она залита их кровью, слезами и муками сплошь, благодаря „благочестивейшим“ государству и церкви.

И вот по „откровениям Духа“, закладываются кирпичики нового внегосударственного „царства“. Анархическая взаимопомощь пронизывает весь быт духовных, там и тут делаются попытки общей жизни по типу коммун. Таковы попытки „общих“, малеванцев и т. д. Но только духоборцам, под влиянием их „Христа“, вождя П. Веригина, удается создать крупную, существующую до сих пор коммуну, в известном смысле, анархического характера.

Таковы (вкратце) основные линии развития анархических устремлений русского сектантства. Цельность некоторого одного основного направления, по разному отражающегося в разных сектах, для меня вне сомнений. Перед нами живое историческое единство, части которого, отраженные в разных сектах, растут одновременно и, сравнительно, равномерно. Поэтому, изучение отдельных сект будет анатомией, а не изучением исторической жизни. Следовало бы не оставлять втуне также т. наз. „интеллигентные“ секты, затем такие движения, как масонство, отметить влияния протестантских исканий Запада и, наконец, чисто общественные движения. Но для этого нет ни места, ни времени.

Дальше мы попытаемся раскрыть характеристические черты этого живого исторического целого. Мы рассмотрим развитие его внутренней закономерности в тех зародышах, в которых оно было в истории.

2. Неприемлющие мира.

„Убо в настоящих последних дни сея Антихристовы прелести, кий путь спасительный сущим в вере прообразовася. Пространный ли, о жене, о чадах, о торгах и стяжаниях, или же тесный, нуждный и прискорбный, еже не имети града, ни села, ни дому“—так в своем разглагольствовании от 28 марта 1784 года остро и четко ставит вопрос Евфимий, первый, известный нам, учитель и организатор страннического согласия⁹⁾.

Мы видели, что такая постановка вопроса не была фантазией изувера, но имела глубокие корни в общественном и религиозном положении народа. Некуда было деться. Ревизия душ, введенная Петром I-м, окончательно прикрепляла трудовой народ к земле, к заводам, к приходам и монастырям, к государству, отдавала его в полное распоряжение владельца, попа, чиновника и полиции. А дни Екатерины II-й принесли под маской „просвещенного“ абсолютизма полный разгул этих четырех китов самодержавия.

Пишет Евфимий в своем „Цветнике“ обличение: „... при описи раздоби народ на разные чины и расположи дань подушную, потом же и землю размежева... и сим разделением яко язычников содея, друг на друга ратоборствовати, межи бо яко границы чуждым землям устави, аже коемуждо глаголет свое: сей же глагол св. Златоуст проклятый и скверный нарицает, глаголя: мое от диавола, рече, введеса; вся в амобщая сотворил есть Бог. Отнеле же, егда тако удержаны врагом челоуецы при имениях своих, яко же мравия неусыпно тщание возымеша, как большая собрати и сего ради оттоле начаша бывати обманы, ... междуособные брани до свирепства, обиды до грабительств, все сие ради оногo запрещения и разделения: кому оный император надели много, кому мало, иному ничегоже дав, токмо едино рукоделие повеле.“

И мы, кому ведом опыт еще 140-ка лет с тех пор, видим, что в этих строках переяславского крестьянина (м. б. мещанина), уже заложены зародыши тех социальных теорий, что пышным цветом распустились через 70 лет после его смерти (1792 г., 20 июля). Роль власти в создании крупной собственности, монополий, пролетариата и вообще в разложении общества на нищих, бесправных, и богатых, господствующих, роль собственности в этом разложении, влияние права и экономики на нравственное состояние масс и наконец, производственный коммунизм, как нормальное состояние общественной жизни, — здесь коротко и ясно затронуты.